

М. РААБ

Образ древнерусского человека в поэзии пушкинского времени

1. Древнерусская тема в поэзии

Обращение к историческим темам в русской, как и во всякой другой национальной литературе, не ограничивается какими-либо определенными периодами. Однако в эпоху романтизма такое обращение было наиболее интенсивным и целеустремленным. Это явилось, с одной стороны, результатом общеевропейского развития исторического сознания в результате французской революции; с другой стороны, играли роль и национальные факторы. Отечественная война 1812 года и позднее движение декабристов способствовали развитию исторического мышления в России, одним из проявлений которого явилось обращение к исторической тематике в литературе. В 20-е годы XIX в. ознакомление с отечественной историей помогало передовым писателям воплотить в жизнь эстетическое требование народности. В этой связи уже в романтизме создаются предпосылки для критического реализма. В середине 20-х годов путь к критическому реализму был открыт. Литература охватывает не только современную, но и историческую действительность.

Поэты пушкинской эпохи проявляют особый интерес к древнерусской истории.¹ Чаще всего их внимание привлекают такие темы, как 1) боевые подвиги древнерусских князей и воинов; 2) княжеские междоусобицы; 3) татарское иго; 4) падение Новгородской и Псковской городских республик.

Весьма показательны, что князья, связанные с образованием и укреплением древнерусского государства, сравнительно мало интересовали приверженцев революционного романтизма, оппозиционно настроенных по отношению к правительству. К числу таких князей относятся: Рюрик, который со времени Екатерины II осмыслялся как символ государственного абсолютизма, отчасти Владимир I (хотя народно-эпическая традиция создала известный противовес официозному его истолкованию), Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и, наконец, московские великие князья, поскольку симпатии поэтов пушкинского времени были всегда на стороне городских республик Новгорода и Пскова, защищавших свои вольности.

Н. М. Карамзин в своей программной статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств»,² рекомендовал в качестве подходящих сюжетов: призвание варягов, кре-

¹ Ср.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. 2. М.—Л., 1961, стр. 168.

² Вестник Европы, 1802, № 24, стр. 289—308.

щение Руси, правление Ярослава Мудрого и основание Москвы. И литераторы официозного направления неоднократно обращались к подобным темам. Напротив, передовые писатели старательно избегали всего того, что могло служить апологией идеи государственности. Поэты пушкинской эпохи — как сами декабристы, так и те, кто лишь косвенно соприкасался с декабристским движением, — искали в древнерусской истории героя-патриота, в образе которого они могли бы дать эстетическое преломление своих идеалов.

В создании образа древнерусского героя поэты могли опереться на литературные и отчасти на фольклорные традиции, которые помогали им и при стилистической обработке произведения. Древнерусская литература непосредственно или в переработанном виде в «Истории государства Российского» Карамзина предоставляла различные возможности изображения эпического развития действия, которое в свою очередь обуславливалось жанровой структурой соответствующих произведений. Устный народный эпос древнего времени не сохранился в полном виде, тем не менее отзвуки старых героических песен и сказаний можно обнаружить в летописях и в некоторых повествовательных произведениях. Говоря о воздействии народно-эпического стиля, мы отнюдь не ограничиваем его только сферой языка и стиля, но видим его в самом создании образа человека-героя. Устный народный эпос в трансформированном виде продолжал существовать и в форме былин, так что поэты пушкинской поры на основании фольклора могли перерабатывать народно-эпические импульсы, проецируя их на прошлое своей страны. В этом смысле характерен жанр поэмы-сказки с его смешением исторических и фольклорных элементов.

От народно-эпического стиля ясно отличается агиографический стиль, рисующий нам совершенно иначе облик человека. Мы находим его прежде всего в литературе житий, но иногда он обнаруживается и в летописании, и мы не вправе оставить без внимания то обстоятельство, что религиозно-повествовательные приемы могли использоваться и в светской литературе и что поэты пушкинской эпохи опирались в этом отношении на традицию, идущую от сентиментализма и сохранившуюся в романтизме при изображении определенных аспектов действительности без какой бы то ни было религиозной тенденции. Образ человека народно-эпического стиля в наиболее чистой форме представляет собою «героя». В агиографическом же стиле человеческие образы поляризуются: «святому» противопоставляется «злодей».³ Такое расщепление на ярко выраженные крайности соответствует (как, между прочим, в другом отношении, и гиперболизм народно-эпического стиля) тяготению романтиков к необычным героям в необычных ситуациях.

2. Героические образы с гражданско-воспитательным содержанием

Героический образ человека в летописях создавался под влиянием народной эпики, что определило особый интерес к нему революционных романтиков. С X в. летописное повествование выдвинуло на передний

³ О понятиях народно-эпического и агиографического стилей и их влиянии на метод повествования древнерусских летописей см.: И. П. Еремин, «Повесть временных лет» как памятник литературы. — В кн.: И. П. Еремин, Литература древней Руси

план две личности, жизнеописания которых, последовательно выдержанные в эпическом стиле, представляют собою ряд воинственных героических дел.⁴

Олег (ум. 912) в летописном предании с легкостью, типичной для эпического героя, преодолевает все препятствия на своем пути: он без боя берет Смоленск, Любеч, хитростью овладевает Киевом. Не встречая никакого сопротивления, побеждает он древлян, северян и радимичей. Затем идет на Царьград и при этом одолевает греков хитростью.⁵

Святослав (ум. 972) у летописца более воин, чем правитель. Суровая жизнь, которую он ведет с дружиной, должна была служить примером истинной воинской добродетели для будущих поколений. Известны слова Святослава, с которыми он, находясь в безнадежном положении, обратился к своим воинам: «Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду; аще моя глава ляжет, то промыслите собою».⁶ Как замечает И. П. Еремин, элементы народного эпоса содержатся и в описании обстоятельств насильственной смерти Святослава.⁷

Карамзин в отношении характера повествования в основном придерживался народно-эпического стиля летописи. Как писатель он был чуток к поэтическим особенностям древнерусских источников. Но, стремясь к исторической объективности, он дополнил повествование «Повести временных лет» византийскими источниками. Так, например, он не изобразил исход битвы при Доростоле односторонне, как победу русских. Кроме того, он отмечал там, где это было необходимо, легендарный характер народно-эпического предания, которое он, между прочим, считал свидетельством раннего исторического сознания.⁸

Опираясь на народно-эпический стиль «Повести временных лет», Карамзин, тем не менее, не стеснял себя в своих попытках изобразить характер исторических лиц. Прямолинейная и в некоторой степени «геральдическая» характеристика средневековых летописей⁹ под пером Карамзина, использовавшего возможности литературы своего времени, благодаря индивидуализации и противопоставлению в первую очередь моральных качеств, превращалась в сложный характер. Карамзин считал главным изобразить «многообразие страстей»; возможно, что занятие Шекспиром вдохновило его на это.¹⁰ Как он дополнял суровую простоту летописного рассказа чувствительно-психологическими чертами характера, показывают следующие примеры:

М.—Л., 1966, стр. 76—97. (Далее: И. П. Еремин). Характеристику народно-эпического стиля (под термином «эпический стиль») см.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, М.—Л., 1958, стр. 70—79.

⁴ См.: И. П. Еремин, стр. 75—77. В дальнейшем мы уделяем основное внимание изображению древнерусских князей Олега и Святослава и оставляем в стороне образы князя Владимира, новгородских борцов за свободу и киевских витязей.

⁵ Повесть временных лет, ч. 1. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 50.

⁷ И. П. Еремин, стр. 77.

⁸ Это относится, например, к эпизоду поставленных на колеса кораблей и к рассказу о смерти Олега. См.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. 3-е изд., СПб., 1830, стр. 154, 166. (Далее: Н. М. Карамзин).

⁹ См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 73.

¹⁰ Ср.: Л. И. Кулакова. Эстетические взгляды Н. М. Карамзина. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 74—75.

«Повесть временных лет»

И живяше Олег мир имаа ко всем странам, княжа в Киеве.¹¹

Князю Святославу възрастшу и възмужавшу, нача вои совокупати многи и храбры, и легько ходя, аки пардус, войны многи творяше.¹³

«История государства Российского» Н. М. Карамзина

Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия.¹²

Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностю отличить себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле.¹⁴

Бросается в глаза, что созерцательно-конкретное сравнение «аки пардус» элиминировано Карамзиным.

Героические жизнеописания обоих князей с начала XIX в. воздействовали на фантазию русских патриотов.¹⁵ В упоминавшейся уже статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин связывает образы Олега и Святослава с проблемой русского национального характера. При этом он подчеркивал, что Святослав дорог русским уже потому, что «родился от славянки».¹⁶

В стихотворении «Святослав» (1812) С. Саларев выдвигает на первый план не героические черты жизни этого князя, а трагические; вспоминая о его насильственной смерти, он создает меланхолическую картину в оссианистском духе:

Героя тень во тьме блуждает
Окровавлена по холмам.¹⁷

Тень убитого Святослава, блуждающая по берегу Днепра, вдохновляла и Н. И. Гнедича в 1818—1820 гг.¹⁸

Когда К. Ф. Рылеев с декабристских позиций обратился в своих думах к образам Олега и Святослава, он, следовательно, мог опереться уже на известную традицию. Дума «Олег Вещий» передает не только мозаичный ряд событий, но и типичный для народной эпики беззаботный оптимизм летописи. Некоторыми деталями характера Рылеев обязан Карамзину. Так, например, в первой строке выражение «наскучив мирной тишиною»¹⁹ — почти дословное заимствование из «Истории государства Российского».²⁰

Легкость, с которой в летописном рассказе Олег одерживает победы над врагами, подчеркнута у Рылеева метафорическими средствами, причем метафоры и украшающие эпитеты опираются, с одной стороны, на эмоциональную динамику одической поэзии классицизма, а с другой —

¹¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 29.

¹² Н. М. Карамзин, т. I, стр. 164.

¹³ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 46.

¹⁴ Н. М. Карамзин, т. I, стр. 199.

¹⁵ Особое внимание героической личности Олега уделил и А. Писарев в книге «Предметы для художников, избранные из российской истории» (СПб., 1807, стр. 21).

¹⁶ Г. Макогоненко. Литературная позиция Карамзина в 19-м веке. — Русская литература, 1962, № 1, стр. 92.

¹⁷ Труды Общества любителей российской словесности, М., 1812, ч. 1, стр. 56.

¹⁸ См.: П. Тиханов. Николай Иванович Гнедич. Несколько данных для его биографии. СПб., 1884, стр. 73.

¹⁹ К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956, стр. 73. (Далее: К. Ф. Рылеев).

²⁰ Н. М. Карамзин, т. I, стр. 151.

являются в известной мере отголосками народно-песенного стиля (например: «полетел грозою»; «Днепр... напелясь, закипел»; «дружина храбрая героев... с веселием текла»; «седый Олег шумящей птицей»). Метафоризм народного эпоса особенно ярко проявляется в картине преодоления порогов Днепра дружинниками Олега (строфа IV). Интересно наблюдать, как Рылеев подчиняет некоторые элементы народно-эпического стиля своему методу изображения, стоящему на традиционной линии гражданского классицизма. И ниспровергающий все препятствия оптимизм, и возвеличенный описанием многих победоносных дел образ князя, производящий одностороннее впечатление, — все это подходит к художественной концепции Рылеева. Незапятнанному героическому Олегу, которому киевляне в гордом восторге дали прозвание «Вещего» (строфа XVII), противостоит трусливый и самовластно правящий царь Византии (строфа IX).

Образ Святослава встречается в трех думах Рылеева, но в думе «Ольга при могиле Игоря» и в отрывке «На гордой крутизне берегов» он лишь упоминается. Дума «Святослав» (1821) композиционно построена на противопоставлении двух временных планов — русский гусар стоит у берега Дуная на часах напротив вражеского турецкого лагеря и вспоминает в песне о победоносных битвах Святослава, происшедших на том же месте несколько столетий назад. В песне гусара передаются и подробности летописного рассказа о скромном образе жизни Святослава, и его речи дружинникам:

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,
Земля под войлоком — одром,
А пищею конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет! —
Гремел герой на бранном поле, —
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей».²¹

Героизм Святослава, — так формулирует Рылеев идею своей думы, — переживет время и послужит примером русским воинам грядущих поколений. Дума оканчивается в современности — нападением русских на турок. В духе Святослава гусар бросается в битву:

И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили.²²

Типично для этих дум, что Рылеев связал героический образ древнерусских князей Олега и Святослава с классицистической и сентименталистской традициями в революционном романтизме, сохранив при этом определенные народно-эпические элементы.

Кроме Рылеева, к образу Олега в пушкинскую эпоху обращались поэты Н. М. Языков, Е. П. Гребенка и сам Пушкин.²³

В своей балладе «Песнь о вешем Олеге» (1822) Пушкин полностью использует переданные летописью черты героического образа человека,²⁴ но перерабатывает их совершенно иначе, чем Рылеев. Отсутствует какой-

²¹ К. Ф. Рылеев, стр. 80.

²² Там же, стр. 81.

²³ Поскольку и «Олег» Н. М. Языкова (1826) и «Рогдаев пир» Е. П. Гребенки не отличаются высокой художественностью, мы не останавливаемся на этих произведениях.

²⁴ См.: К. А. Немировская. «Песнь о вешем Олеге» и летописное сказание. — Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 76, Л., 1949, стр. 15 сл.

либо оссианистский оттенок: и начало, и конец (тризна на могильном холме Олега), где легко можно было бы развернуть чувствительное описание природы, лаконичны и просты. Особое значение имеют выразительные определения, посредством которых сообщаются как характеристика Олега, так и местный и временной колорит вообще. Стоит окинуть взглядом эти определения, которые Пушкин, как известно, очень шлифовал, чтобы видеть, что целостность понимания действительности выражается ими частично языково-стилистическими средствами: «вещий Олег», «неразумные хазары», «цареградская броня», «всррый конь»,²⁵ «темный лес», «вдохновенный кудесник», «покорный Перуну ... одному», «мудрый старец» и т. д.

Последовательное нанизывание отдельных эпизодов, которое Рылеев в соответствии с одической традицией прямо без изменений перенес из летописного предания, сменилось у Пушкина единым завершенным сюжетным действием. Сюжетом своей баллады он избрал отдельный новеллистический эпизод, а именно сказание о смерти Олега от своего коня, и связал с этим сказанием другие заимствованные из летописей и у Карамзина эпизоды, создавая таким образом убедительную картину эпохи. Не количественное накопление, но качественная разработка, тончайшая нюансировка, — вот что характерно для художественного историзма Пушкина.

Уже шесть строк первой строфы сообщают нам основное о суровой воинственности Олега. Упоминается его поход против хазаров, отмечается жестокость ведения войны.²⁶ Лаконичное выражение «в царградской броне» показывает, как в фокусе, сложные отношения между Русью и превосходящей ее в культурном отношении Византийской империей.²⁷ Дальше в предсказание языческого кудесника включаются другие подробности летописного рассказа, например знакомый эпизод со щитом:

«Твой щит на вратах Царграда».²⁸

Во второй части баллады — прошло много лет и Олег поседел — вспоминаются еще раз подвиги былого в народно-эпической ситуации пира:

Бойцы поминают мипувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.²⁹

Итак, мы видим, что баллада от начала до конца передает героическую жизнь Олега, но Пушкин не отвлекается множеством внешних событий и дает глубокое психологическое изображение характера. Самое интересное заключается в том, что предсказанная смерть от любимого коня приходит к герою не так, как ее ожидали. Это дает поэту возможность осветить душевный мир древнерусского героя. Характер Олега рассматривается с разных сторон. Олег не только могучий правитель и безжалостный воин; показаны и его внутренние переживания, соответствующие обстоятельствам X века. Его обуревают сомнения, когда он слушает пророчество языческого кудесника, и он расстается со своим

²⁵ Первоначально Пушкин употребил эпитет «смирный», затем изменил его на «вещный». Ср.: А. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., 1959, стр. 43.

²⁶ Ср. рассуждения на эту тему в духе абстрактно-просветительского абсолютизма П. М. Карамзина, т. I, стр. 107.

²⁷ См.: Г. А. Гук овский. Пушкин и русские романтики. М., 1965, стр. 333 и сл.

²⁸ Соответствующее место у Рылеева — «Прибил свой щит с гербом России / К царградской воротам» (К. Ф. Рылеев, стр. 75) — вызвало критическое замечание Пушкина (см. его письмо к брату от 1—10 января 1823 г.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 10, М., 1965, стр. 52). (Далее: А. С. Пушкин).

²⁹ Там же, т. 2, М., 1963, стр. 109

любимым конем с чувством понятной человеческой печали. Узнав через много лет о смерти животного, он предается печальным думам, и у него возникает желание увидеть кости коня, служившего ему так долго и так верно. Художественный историзм, реализуемый в балладе, который мы считаем конструктивным вкладом в развитие реализма в русской поэзии, не означает еще, что она не имеет признаков романтического стиля. Так, например, мысль о судьбе, которой подвержен каждый человек, и понятие о пророческом предвидении — это субъективно-романтические черты. Но все же отнюдь не случайно, что романтики, друзья Пушкина, восприняли эту балладу без особенного сочувствия.³⁰ Причиной тому была целостность исторического человеческого образа, к которой стремился Пушкин. Эта целостность не соответствовала их одностороннему взгляду на историю как всего лишь фон для беспрепятственного развития поэтической фантазии. Пушкин был не только против введения деталей, противоречащих временному колориту (примером тому является его спор с Рылеевым из-за щита Олега), но и против всякого самовольного изменения индивидуальных черт характера исторических лиц.³¹

3. Древнерусский князь как идеальный образ связанного с народом правителя

В тесной связи с образом героического человека, показанного с народно-эпической точки зрения в лице древнерусских князей и витязей, находится образ древнерусского князя как идеального правителя. Тем не менее по некоторым соображениям следует отделять этот последний от народно-эпического образа как генетически, так и функционально. Древние князья, раздсаявшие, как известно, внешние бытовые условия со своими дружинниками, могли еще рассматриваться в эпической песенной традиции как выразители народных интересов. Но уже вскоре изменившиеся феодальные правовые и имущественные отношения привели к тому, что значительная часть народа стала жертвой воинской мощи князя и его дружины, которая служила чисто эгоистическим целям количественно незначительной социальной верхушки. Постоянные усобицы князей находились в резком противоречии с народными интересами, и медленно, но верно вели к ослаблению боевой мощи Киевской Руси и приблизили серьезную опасность со стороны внешних врагов. В древнерусской литературе, начиная с «Повести временных лет», вплоть до «Слова о полку Игореве» и более поздних литературных памятников эпохи татарского ига, ставится по вполне понятной причине вопрос об ответственности князя перед обществом, об отношении между князем и народом. Личный героизм все еще играет важную роль, но в результате классовой дифференциации он не может более быть функцией общенародного интереса, как в прежнее время. Слишком часто воинственные предприятия оказывались противоречащими интересам народа, и принципиально признанное требование героического поведения, оставшаяся, как и прежде, обязательным, модифицируется добавочными вопросами: кому служит это героическое поведение на пользу, кому во вред? Наивная рутинность народно-эпической точки зрения уступает место

³⁰ См., например: Сын отечества, 1825, т. 99, № 3, стр. 309.

³¹ См.: С. М. Петров. Проблема историзма в мировоззрении и творчестве Пушкина. — В кн.: А. С. Пушкин, 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств, М.—Л., 1951, стр. 200. За подобные самовольные изменения Пушкин также критиковал исторический роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом». (А. С. Пушкин, т. 10, стр. 555)

сознанию, что в конце концов на карте стоит судьба всего народа, и это предвиденье нашло свое ужасное подтверждение при вторжении татар. Государственный ум, учитывающий интересы простых слоев населения, готовность правителя отказаться от увеличения личной власти ради сохранения внутреннего мира должны быть неотъемлемыми качествами каждого князя. Иначе говоря, образ идеального князя, развитый русской литературой с XI по XIII в., содержит уже, кроме героической мужественности старого типа, целый ряд новых гуманистических черт.

Особенно интересен в этом отношении образ Владимира Мономаха, как он изображается в «Повести временных лет», в автобиографическом «Поучении», а также в письме к князю Олегу Черниговскому. Только значительных воинских походов у Мономаха было 83, на охоте он часто подвергал свою жизнь опасности. Но к этим героическим чертам присовокупляются еще и черты гуманистические, присущие связанному с народом князю. «Тоже и худого смерда и убогие вдовице не дал есм сильным обидети», — писал Мономах в «Поучении». А в 1103 г. на совете князей в Долобьске он говорил: «Дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить ѿ стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именье? То лошадь жаль, а самого не жаль ли?»³² Так и «золотое слово» Святослава и многие другие места «Слова о полку Игореве» поднимают этот столь важный с идейной стороны вопрос о моральных качествах идеального образа князя.

Вполне понятно, что поэты-декабристы в рамках их историко-философской концепции при использовании древнерусских материалов уделяли большое внимание проблеме идеального правителя. Интерес к этой проблеме должен был особенно усилиться после крушения восстания, когда обнаружилась неосуществимость близкой революционной перемены и оставалось только надеяться на реформы сверху. Эти надежды могли привести к попыткам непосредственного воздействия на Николая I (такую цель преследовали, например, усиленные занятия Пушкина образом Петра), но они могли носить также характер утопической программы, переносящей в прошлое с явной резиньязией крушение идеального образа, невозможного даже для современности. Образ идеального князя у поэтов пушкинской эпохи носит трагические черты, которые, хотя и исходят из исторических фактов (усобицы князей, вторжение внешних врагов), но являются вместе с тем непосредственным выражением опыта дворян-революционеров в их борьбе против абсолютной государственной власти.

Вполне согласуется с идеологией декабристов то обстоятельство, что поэты уже в период подготовки восстания, т. е. до 1825 г., делали первые попытки создания образа идеального правителя на материале древнерусской истории. Рылеев неоднократно связывал образ героического человека с просветительскими представлениями об идеальном правителе, например в думах «Ольга при могиле Игоря» (1822), «Рогнеда» (1822). Без какой-либо поучительной тенденции П. А. Катенин в своей поэме «Мстислав Мстиславич» (1819) преобразует народно-героические черты своего героя в положительные элементы агиографического стиля, переходя к философски обобщенной постановке вопроса об ответственности правителя пред своим народом. Князь Мстислав в высшей степени трагический герой; после битвы на Калке он упрекает себя:

³² Повесть временных лет, ч. 1, стр. 163 и 183.

«О горе вечное Мстиславу!
На мне вина такого дня».³³

Начало поэмы показывает раненого князя еще полностью в стиле фольклора как индивидуальную личность:

На холме ракивов куст.
Отдыхает одинокий
Витязь там.³⁴

Конец поэмы ознаменован спасением князя Даниилом и верными дружинниками. Самобичеванию Мстислава, который принимает на себя всю вину за национальную катастрофу, противопоставлена глубокая привязанность рядовых воинов к своему князю:

Но Даниил прикрикнул на детей:
«Вы, отроки! сюда бегите спешно.
Вам вечный стыд, мне горе неутешно,
Коль наш отец от тяжких ран умрет;
Моя — ничто: и после заживет».
Мстиславу все бегут помочь толпою.³⁵

Такое патриархальное отношение между князем и дружинниками основано, конечно, отчасти на традиции древних времен, но уже здесь, в общественной ситуации XIII в., оно тесно связано с вопросом об идеальном правителе в высоко развитом феодальном государстве.

Если уже у Катенина образ Мстислава подаи трагически, то мы находим этот трагизм еще более усиленным после 1825 года в декабристских поэмах «Василько» А. И. Одоевского и «Андрей, князь переяславский» А. А. Бестужева-Марлинского. Правда, в отличие от Катенина трагизм здесь обусловлен не внешней причиной, как это изображается в поэме «Мстислав Мстиславич», в виде татарского нашествия, а является следствием внутренних междоусобиц князей и их интриг по отношению друг к другу. Благодаря такому выбору сюжета трагизм еще более усиливается, так как он вызван самими князьями. Несомненно, что в этом отразились некоторые ретроспективные размышления, возникшие у поэтов-декабристов после неудачи восстания.

Оба изображенных князя, как Василько у Одоевского, так и Андрей у Бестужева, нередко отклоняются от своих исторических прототипов. Они идеализованы, причем такое этическое повышение исторически обосновано в той мере, в какой на них обоих перенесена служащая народным интересам политическая концепция Владимира Мономаха. Таким образом, мы можем установить, что личность Мономаха, как это уже отмечено выше, не нашедшая себе в пушкинскую эпоху непосредственного литературного изображения, получила косвенное воплощение. Этому способствовало то обстоятельство, что в историческом предании Мономаха, с одной стороны, и Василько или Андрей — с другой, тесно соприкасались. Рассказ Василька следует рассматривать как публицистическое произведение, вдохновленное непосредственно Мономахом,³⁶ а Андрей был кровным сыном Мономаха.

В X строфе первой песни Одоевский вкладывает в уста своего героя Василька слова, напоминающие нам заботливое отношение Мономаха к простым смердам:

³³ П. А. Катенин. Избранные произведения. М.—Л., 1965, стр. 112.

³⁴ Там же, стр. 108.

³⁵ Там же, стр. 111.

³⁶ Ср.: В. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 274—279.

«Нельзя нам ждать, — князь старцу отвечал.
 Дни осени настали, а весною
 Не захочу оратая коней
 Отторгнуть от неспаханых полей».³⁷

Значительная часть этой первой песни посвящена описанию веча в Тереховле и, следовательно, отношению князя Василька к своему народу. И для старых, и для молодых он «наш Василько», который возвещает свое «отческое слово» о результатах съезда князей в Любечи (строфы I—III), созванного при участии авторитетного «мудрого Мономаха». В видении, обнаруживающем влияние гомилетики, изображена картина единого русского отечества:

Да будет Русь нам общею отчиной,
 И если кто из нас нарушит мир,
 Восстанем все: пойдут на брата братья,
 И крест и огонь — палачий огонь проклятья!³⁸

Народ готов выступить против внешнего врага под водительством Василька. Волна симпатии встречает князя на вече:

«Все готовы за тобой!» —
 Воскликнули и юноши и мужи.³⁹

Просьба одного из старшин, высказанная на вече, о том, что Василько лучше отказался бы от предполагаемого похода, чтобы вершить дома суд и расправу, подчеркивает дополнительно связь всех слоев населения со своим князем:

«Когда ты здесь — и тяжбы нет в народе:
 Живем в любви на отческой свободе.
 К тебе идем на суд, на княжий двор
 Все с радостью: и смерд и горожанин».⁴⁰

Василько признает полностью авторитет народного веча; по старинному обычаю он кланяется народу (строфа XIII).

И в дальнейшем развитии поэмы народ, и не только народ Тереховля, но и народ стольного града Киева играет важную роль. В четвертой песне мы узнаем, что на вече народ Киева требовал освобождения предательски плененного Василька. Великий князь Святополк жалуется интригану Давиду:

«Как он любим, как он любим, Давид!
 Еще мне вече в слухе раздается».⁴¹

И как раз эта любовь народа к Васильку приводит к трагической развязке. По мнению Давида, Василька следует во что бы то ни стало обезвредить, не смотря на то, виновен ли он или нет, в противном случае вся Русь станет его союзником:

«Придет вся Русь по долгу, из любви
 И утолит себя в твоей крови».⁴²

В памяти испуганного Святополка всплывает организованное Всеславом восстание киевских граждан 1068 г. и Давиду разрешают вывести Ва-

³⁷ А. И. Одоевский, Полн. собр. стихотворений, Л., 1958, стр. 90. (Далее: А. И. Одоевский).

³⁸ Там же, стр. 89.

³⁹ Там же, стр. 90.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 114.

⁴² Там же, стр. 115.

силька туманной ночью, когда киевляне объаты крепким сном, и ослепить его. Идеальный князь, изолированный от народа, стал жертвой внутренних распрей.

Исходя из положительного изображения характера, какое было дано летописью и Карамзиным сыну Мономаха Андрею в его усобицах против Всеволода Ольговича — за снос великодушие он получил прозвище «Добрый», — А. А. Бестужев создает идеальный облик князя в романтических тонах. Любовь народа к князю и здесь является критерием, а для заговорщиков, действующих по поручению Всеволода, она представляет собою серьезное препятствие. Стремянный боярина Любомира об одном из заговорщиков говорит:

Всею сильней его пугает,
Что князь гражданами любим.⁴³

Вторая глава поэмы посвящена подробному описанию отношения между князем и народом:

Судил и рядил по законам старинным,
Допуская народ до пресветлых очей, —

так начинается эта глава. Без оружия, и без роскошных одеяний, и без сопровождающих дружинников, как отец в семье народной, встречает князь Андрей посланца своего недруга.⁴⁴ Он не желает купить блаженства души своей ценою крови своего народа, он против войн и знает, как тяжело страдает народ от усобиц князей. Известная цитата из «Слова о полку Игореве», привлекающая к себе внимание уже Н. М. Муравьева,⁴⁵ «в княжих крамолах веци человеком скратишась» послужила основанием для слов:

Дни поселян миролюбивых
В войнах князей сокращены.⁴⁶

Подобно тому, как народ Терсбовля симпатизирует Васильку, так и народ Перяславля — Андрею:

Спешат довольные граждане,
В толпе прелестных дев и жен.
У князя доброго заране
Почетный выманить поклон.⁴⁷

Бестужев употребляет для характеристики душевных отношений между князем и народом такие же метафоры, как и Одоевский:

Явился он, как месяц в сонме звезд, —⁴⁸

так у Одоевского; а у А. Бестужева:

Так величаво небосклоном
Восходит месяц в хоре звезд.⁴⁹

⁴³ А. Бестужев - Марлинский, Полн. собр. стихотворений, Л., 1961, стр. 99 (Далее: А. Бестужев-Марлинский).

⁴⁴ Там же, стр. 107, сл.

⁴⁵ См.: Записка Никиты Муравьева «Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина». — В кн.: Литературное наследство, т. 59. М., 1954, стр. 585.

⁴⁶ А. Бестужев - Марлинский, стр. 111.

⁴⁷ Там же, стр. 113.

⁴⁸ А. И. Одоевский, стр. 88.

⁴⁹ А. Бестужев - Марлинский, стр. 114.

Любовь народа рассматривается как моральная и правовая предпосылка власти правителя и его чести:

«Хвала народа — мне услада;
И мне ль, Роман, страшиться вол?
Ему опора — мой престол,
А мне любовь его — ограда!
Она всех дел моих печать».⁵⁰

Роман же, собеседник Андрея, предостерегает его от переоценки выражений доброжелательства, советует ему делать различие между толпою придворных льстецов и искренними выражениями чувств народа.⁵¹ При этом необходимо учесть, насколько эти мысли соответствуют некоторым высказываниям в лирике зрелого Пушкина.

Великодушный поступок Андрея, спасающего из когтей медведя незадачливого охотника, производит на Романа, который сначала смотрит с предубеждением на Андрея, глубокое впечатление. Он узнает в Андрее «сына Мономаха», да и вообще этот охотничий эпизод соответствует в известной мере жизнеописанию Владимира Мономаха, где, как известно, рассказывается о нескольких опасных охотничьих приключениях, между прочим о нападении медведя.⁵²

Для философского идеализма А. Бестужева знаменательно, что как раз в связи с этим охотничьим эпизодом его герой подчеркивает переходящее значение героических подвигов:

Что слава? Ломкая скудель,
Румянец тленья листопада!..

Прошли и героические времена древних славян:

Лишь развевает вихрь степной
Их безответные курганы!⁵³

Единственным критерием неугасимой славы, достойной позднейшего летописца, по мнению Бестужева, как он передает мысли своего героя Андрея, является только общественное благополучие. Программа Андрея приобретает формы колоссального утопического видения будущего: Доброе в человеке и красота в природе сливаются в идеалистическую мечту. Все, что укрепляет доброе и красивое в человеке, это достижимая близкая цель.⁵⁴

Философское возвышение, которое должно было быть присуще идеальному образу связанного с народом князя, с его в высшей мере утопическими чертами, характерно для поэзии декабристов. И во всех трех разобранных случаях оно привело к применению определенных агнографических стиливых средств. Явление это само по себе существовало уже в древнерусской литературе. Поэма «Мстислав» Катенина, начинающаяся вполне в народно-эпическом стиле, кончается словами:

Пали наземь лицом, и в слезах благодарных молили
Бога и спаса Христа и пречистую деву Марию.⁵⁵

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Повесть временных лет, ч. 1, стр. 162.

⁵³ А. Бестужев - Марлинский, стр. 127.

⁵⁴ Там же, стр. 128, сл.

⁵⁵ П. А. Катенин. Избранные произведения, стр. 112.

Поэма Одоевского «Василько» называет своего ослепленного героя христианским «страдальцем»:

Пред Спасом не виновен Василько,
И пред людьми старадалец не виновен.⁵⁶

А сохранившийся фрагмент пятой песни поэмы Бестужева показывает нам Андрея «в святой одежде пилигрима».⁵⁷ Необходимо рассмотреть, какую функцию имеют стилистические элементы агиографического происхождения при разработке древнерусских тем в поэзии пушкинского времени.

4. Тип мученика и злодея

Особому характеру древнерусской литературы соответствует то обстоятельство, что на изображение человека в ней сильно влияла агиографическая точка зрения. Так было не только в каноническом жанре житий, но и в широких областях нарративной прозы, между прочим в летописях. Цель агиографической точки зрения была ясна: примерами и запугиванием привить христианскую добродетель. В отличие от народно-эпической точки зрения здесь положительным идеалом считалось христианское смирение и готовность принять страдания; герою противопоставлялся антигерой как воплощение греховности и зла — злодей. Эта антитеза пронизывает все сферы сознания средневекового человека и накладывает печать на политические оценки. Поэтому положительная оценка идеальных образов князей в развитом феодализме зачастую выражается приемами агиографического стиля. Особенно это бросается в глаза в житии Александра Невского и в других княжеских легендах. Деяния князей нередко оцениваются по агиографическим представлениям нормы, при этом официальная канонизация отнюдь не обязательна. Тот, кто оказывается достойным с точки зрения господствующей идеологии, высших государственных отличий, будь то за успешное укрепление государства, или за успешную защиту его от угрозы извне, тот получает в изображениях летописей непосредственно или опосредствованно черты святого или по крайней мере богоугодного князя. Наоборот, бессмысленные княжеские усобицы, угрожающие единству государства, осуждаются как греховные деяния.

Олицетворение злодея как такового встречается в летописных преданиях, но и в «Сказании», и в житии Бориса и Глеба есть братоубийца — Святополк (1019). В биографии этого «нового Каина», начиная с его якобы содомитского происхождения, вплоть до вероломного убийства им своих братьев Бориса, Глеба и Святослава и его ужасающей смерти от угрызений совести в горах Богемии, все способно было дать пищу фантазии поэтов-романтиков. В особенности сцена бегства после поражения в битве на Альте полна захватывающего драматизма и показывает возможность применения агиографической точки зрения при изображении душевных переживаний: «К вечеру одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежащю ему нападе на нь бес, и раслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть ѥ на носилех. Принесоша ѥ к Берестью бегающе с нимь. Он же глаголаше: „Побегнете со мною, женуть по нас“. Отроки же его всылаху противу: „Егда кто женеть по нас?“. И не бе никого же вслед гонящаго, и бежаху с нимь. Он же

⁵⁶ А. И. Одоевский, стр. 123.

⁵⁷ А. Бестужев-Марлинский, стр. 135.

в немощи лежа и въсхопивъся глаголаше: „Осе женуть, о женуть побегнете“. Не можаше терпети на единомъ месте, и пробежа Лядскую землю, гоним божьим гневом, прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте». ⁵⁸

Это повествование о смерти Святополка Окаянного содержит, конечно, и не агнографические элементы. Так, например, некоторые исследователи высказали предположение, что бес, папавший на Святополка, всроятнее всего, языческий демон болезни, а не христианский дьявол. ⁵⁹ Но вообще агнографическая стилизация очевидна. Психологически эффектный момент бегства того, кого совсем не преследуют, имеет агнографическое происхождение и встречается уже в книгах Ветхого завета. ⁶⁰

Летопись дополняет повесть о смерти Святополка предостережением русским князьям: «Есть же могола его в пустыни и до сего дне. Исходит же от нея смрадъ золь. Се же богъ показа на наказанье княземъ русьскимъ». ⁶¹ Это агнографически обрамленное место имеет вполне конкретно-политическое содержание и направлено по адресу правителей. Оно послужило Рылеву желанным исходным пунктом при создании его думы «Святополк». Дума состоит главным образом из описания ужасного конца, уготовленного извергнутому человечеством братоубийце в романтической глуши гор Богемии. Упомянутая в летописи мания преследования изображена еще более подробно. Горное эхо вещает Святополку: «Злодей!», а видение убиенных братьев не оставляет его в покое. Дума Рылева кончается тем, что поэт вкладывает легенду о смерти преступного князя как глас народа в уста отца семейства, который, опираясь на предостережение летописи, кончает свои слова гражданско-просветительным поучением:

«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Гот с каждым днем летит быстрее
От преступленья к преступленью». ⁶²

Обстановка, напоминающая сцену в Волчьем лого из оперы «Фрейшиц», встречается и в думе П. Шкляревского «Святополк», в которой можно обнаружить текстуальные совпадения с одноименной думой Рылева. Так, у Рылева в первой строфе говорится:

Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вопрем встречался ⁶³

Дума же Шкляревского начинается строками:

Где в пустынной дебри волк
С кабаном встречался. ⁶⁴

Кошмарные видения, которые мучат Святополка, преследуемого угрызениями совести, изображены более подробно, чем у Рылева, и вклю-

⁵⁸ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 98.

⁵⁹ D. Zelenin. Russische (ostslawische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, S. 256. L. Müller. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb, II.—Zeitschrift für slavische Philologie, XXX, 1962, S. 37. (Далее: L. Müller).

⁶⁰ Кн. Левит, гл. 26, ст. 17: «И будете преследуемы теми, кто вас ненавидит, и вы бежите, хотя никто вас не преследует» (L. Müller, S. 37 f.).

⁶¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 98.

⁶² К. Ф. Рылев, стр. 83.

⁶³ Там же, стр. 82.

⁶⁴ Благонамеренный. 1823, ч. 25, № 17, стр. 351.

чают в себя части агиографически стилизованного повествования летописи о мученической кончине братьев Бориса и Глеба:

Зрит он, как с слезами
Брат его в шатре своем,
Наклонясь главою
Нежно молился о нем
С песнею святою;
Зрит — в шатре мечи блестят.
Видит — как певинный
Под копьем хладеет брат.⁶⁵

В лирическом монологе, приуроченном к агиографическому стилю, но в то же время продолжающем широкую линию традиции элегической поэзии начала XIX в., Святополк рассуждает о проигранной битве на Альте и о своем безвыходном положении. Метафора «ужасной дикой змей»⁶⁶ вызывает ассоциации с ветхозаветным мотивом змея, как олицетворения зла. Заключительное поучение, имеющееся в думе у Рылеева, у Шкляревского отсутствует.

В. К. Кюхельбекер в «саге» «Святополк» (1823), стихотворном произведении в трех частях, пытается дать широкую картину эпохи, подобно тому как Катенин делал это в своей поэме «Мстислав Мстиславович». Кюхельбекер охватывает все события, которые передаются летописью с 1015 по 1019 г. В то время как Катенин пытается изобразить местный и временной колорит посредством архаизмов, Кюхельбекер применяет агиографические элементы стиля для выражения своей художественной мысли. Образ Владимира в начале «саги» выдержан в светлых народно-эпических тонах:

Был славен на Руси Владимир старый,
Счастливым властелин...⁶⁷

Как солнце, скрывающее свой облик за грозowymi облаками, так исчез на Руси после смерти Владимира сияющий образ князя. Надвигающееся несчастье рассматривается полностью в свете агиографической антитезы. Святополк творит злодеяние за злодеянием. Ярослав же, отказавшийся в свое время повиноваться отцу, уходит в себя, и, став смиренным, вершит суд и расправу. Его предприятия против Святополка начинаются двумя молитвами:

«Мы согрешили, мы виновны сами
О господи! Ты прав!...»

«Святой Борис! ты щиг наш и хранитель,
Ты выкушил наш грех».⁶⁸

В летописном повествовании содержатся две подобные молитвы Ярослава, одна обращена к богу, другая — к Борису и Глебу непосредственно перед битвой при Альте,⁶⁹ и Кюхельбекер перенял эту агиографическую деталь. В последних строфах первой части своей «саги» поэт вкладывает свой лирический пафос в молитву, обращенную к Владимиру:

«Сними, Владимир, родины святитель,
Проклятие с наших глав!...»⁷⁰

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 353.

⁶⁷ В. К. Кюхельбекер. Избранные произведения в двух томах, т. I. М.—Л., 1967, стр. 173. (Далее: В. К. Кюхельбекер).

⁶⁸ Там же, стр. 174, 175.

⁶⁹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 97.

⁷⁰ В. К. Кюхельбекер, стр. 176.

Святополк приравнивается к падшему ангелу, которому предопределен ад.

В описании битвы при Альте во второй части «саги» агиографическая точка зрения ослабевает, что вполне понятно; это имеет место уже в древнерусском оригинале.⁷¹ «Сага» Кюхельбекера, начинающаяся сценой бегства, входит по настроению в сценарий, известный нам по думе Рылеева. Гражданский пафос Кюхельбекера находит свое выражение в формулировках, подобных следующим: «Бежит тиран, муж крови, раб боязни».⁷² Ангел мести преследует Святополка. Душа Святополка — «добыча всех мучений», в бешеном его сердце бушует ад. Подобные элементы агиографического картинного языка употребляет Кюхельбекер для изображения душевного состояния антигероя. Ужасающие видения, преследующие Святополка в горах Богемии, череп убиенного Бориса, окровавленный лик Глеба и тень Святослава, толкают, наконец, преступника на самоубийство. И если Кюхельбекер заставляет водопад, в который кинулся Святополк, гневно извергнуть труп братоубийцы, то это является чисто романтической экзальтацией.

Для изображения с агиографической точки зрения особенно подходила судьба вероломно убиенных в Золотой Орде русских князей. Их мученическая кончина рассматривалась как политическая жертва во время национального порабощения русского народа и была в этом смысле воспринята поэзией декабристов, ориентированной на гражданскую государственность. При выборе материала несомненно сыграло роль то обстоятельство, что князья эти были родом из Твери и убиты главным образом из-за интриг Москвы, так что их трагическая судьба в представлении поэтов-декабристов, до некоторой степени, могла быть уподоблена падению Новгорода и Пскова вследствие происков Москвы. Дворянские революционеры в своей борьбе против абсолютизма были склонны безоговорочно симпатизировать тем средневековым удельным княжествам и городским республикам, которые утратили свою независимость в XIV—XV вв., подчинившись Москве.

Подробно описанная Карамзиным трагическая судьба князя Михаила Тверского, убитого в 1318 г. ханом Узбеком в результате коварных интриг московского князя Юрия,⁷³ легла в основу думы Рылеева и исторической баллады А. Бестужева. Следует особо подчеркнуть ясно выраженные агиографические черты в думе Рылеева. С тоской на сердце и со слезами на глазах герой ожидает своей смерти, и это совмещается с патриотическими раздумьями, что отвечало этике декабристов. Михаил клеймит распри и убоицы тех князей, которые ради эгоистических побуждений предают Русь внешним врагам.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!

Слова, вложенные Рылеевым в уста своего средневекового героя, мог бы повторить и дворянский революционер, применяя их ретроспективно к 1812 г.:

«Смерть я встречу без боязни,
Как в боях слетался с ней».⁷⁴

⁷¹ Уже в 1798 г. В. Г. Нарезный опубликовал стихотворение «Брега Альгты» (Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. 18, стр. 281—287).

⁷² В. К. Кюхельбекер, стр. 179.

⁷³ Н. М. Карамзин, т. IV, гл. VII.

⁷⁴ К. Ф. Рылеев, стр. 101.

Дума Рылеева оканчивается указанием на канонизацию Михаила:

Михаила за мученья
Церковь празднует святым.⁷⁵

В исторической балладе А. Бестужева «Михаил Тверской» агнографический элемент ярче всего выразился в центральной части, в монологе смертника-героя. В слове, которое полностью соответствует традиционным представлениям о причисленном к лику святых мученику Михаилу, князь взывает к своему сыну, убеждая его терпеливо прощать врагам и огкаться от мести. Этой смиренной покорности отца противопоставляется боевая активность сына. Таким образом, в конце баллады агнографическая точка зрения перекрывается революционно-романтическим пафосом.

5. Образ древнерусской женщины

Древнерусские летописи знакомят нас с некоторыми женскими образами, обрисованными в народно-эпическом стиле. Героическая традиция представлена прежде всего княгинями X в. Ольгой и Рогнедой. Об Ольге летопись сообщает под 945 г., что она несколько раз мстила древлянам, убившим ее мужа. Ее месть обнаруживает изощренную хитрость, обусловленную суровыми обычаями языческих времен. Отличительной чертой народно-эпического стиля является, как мы уже видели, то обстоятельство, что герой без усилий преодолевает все трудности на своем пути. Так, Ольга при мщении не наталкивается на какие-нибудь серьезные препятствия. Ее воинственный характер оказывает большое воспитательное влияние на ее сына Святослава. Ее хитрости противопоставляется доверчивость древлян, граничащая с глупостью. В другом месте летописи образ Ольги дается, с агнографической точки зрения, как одной из первых приверженцев христианства на Руси.⁷⁶

Под 980 г. летопись повествует о нападении князя Владимира на Полоцк.⁷⁷ Но следующие детали можно найти только в Лаврентьевском списке летописи под 1128 г. ретроспективно: «Потом отца ея уби, а саму поя же не. И нарекоша ей имя Горислава. И роди Изяслава. Поя же пакы ны жены многы. И нача ей негодовати. Неколи же ему пришедшу к ней, и уснувшю. Хоте и зарезати ножемь. И ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече, сжалиласи бях: „Зане отца моего уби и зсмяю его полови мене деля, — и се ныне не любиши мене и с младенцем сим“. И повеле сю устроитися во всю тварь цесарьскую, якоже в день посага ея, и сести на постели светле в храмине, да пришед потнет ю».⁷⁸

Карамзин в своей «Истории государства Российского» следует, с одной стороны, историческому преданию, но, с другой стороны, он частично оттеняет народно-эпическую точку зрения по отношению к образу Рогнеды прочувствованной сентиментальной окраской, оставляя без внимания боевые элементы летописного рассказа. Этот эпизод Карамзин называет «трогательным» событием. У него Рогнеда проливает слезы, и ее мстительный поступок оправдывается затронутым чувством чести обма-

⁷⁵ Там же, стр. 102.

⁷⁶ Современная наука различает Ольгу, изображенную в народно-эпическом стиле, как «вешую», и Ольгу, как «святую». Ср.: И. П. Еремин, стр. 76.

⁷⁷ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 54.

⁷⁸ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, изд. 2-е, Л., 1927, столб. 300.

нудой супруги.⁷⁹ Рогнеда же жалуется Владимиру не так, как в летописи, на порабощенную землю, а напоминает ему только об ужасной смерти своих родных.

Следует выяснить, с какой точки зрения поэты пушкинского времени в свою очередь воспринимали эти женские образы.

Образу Ольги еще в XVIII в. были посвящены одноименная трагедия Я. Б. Княжнина (ок. 1772 г.) и анонимное стихотворение в стиле Оссиана «Ольга при гробнице Игореной».⁸⁰

Дума Рылеева «Ольга при могиле Игоря» направлена против злоупотреблений княжеской властью. Рылеев изображает Ольгу в роли воспитательницы молодого Святослава, которому она указывает на необузданную страсть его отца Игоря как на ужасающий пример:

«Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.
Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин».⁸¹

У Рылеева Ольга показана после того, как она утолила свою жажду мести убийцам мужа. Мицение, занимающее большое место в предании, отходит на задний план, и Ольга может предаться ретроспективной оценке деяний Игоря. Идеологической целью Рылеева, которого интересовала только критика современного ему абсолютизма, объясняется то обстоятельство, что он вразрез с историческим преданием рассматривает стяжательство Игоря как мотив рокового решения — вновь востребовать с древлян дань. Благодаря тому что он ограничивает мудрость Ольги главным образом воспитательным ее влиянием на сына, и это до некоторой степени смягчает народно-эпические черты предания, ее образ получает просветительно-гуманистический оттенок. Выбор места действия — могильный курган Игоря — создает типичную для сентименталистской поэзии атмосферу, которая в особенности выражена в начале думы («осенний ветер», «над мрачными холмами», «седой туман» и т. д.).

Дума «Рогнеда» в известной мере согласуется с думой «Ольга при могиле Игоря». И там и здесь мать представляет своему сыну предков. Но если в предшествующей думе Игорь должен был внушить сыну ужас, здесь, наоборот, Рогволод служит примером. Причем весьма знаменательно, что эта воспитательная функция обеих матерей является художественным вымыслом поэта-декабриста. Это особенно характерно для думы «Рогнеда»:

«Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к критесителям презренье».⁸²

В обеих думах князь, который воспринимается преимущественно как герой, но посягающий каким-либо образом на общественные интересы

⁷⁹ Н. М. Карамзин, т. I, гл. IX.

⁸⁰ Ишпокрина, 1800, ч. 6.

⁸¹ К. Ф. Рылеев, стр. 78. Эта строфа запрещалась цензурой. Ср.: Литературное наследство, т. 59, стр. 19 сл.

⁸² К. Ф. Рылеев, стр. 85

подвергается критике. Интересно далее, что природа соответствует душевному состоянию обеих героинь: в «Ольге при могиле Игоря» осенний буйный ветер и ночная мгла подчеркивают меланхолическое настроение Ольги, оплакивающей своего мужа на его могиле. В «Рогнеде» изображение глухого места и бледного месяца на ночном небе создают также сентиментальный эмоциональный фон. Героические элементы образа Рогнеды, содержащиеся уже в предании, усиливаются посредством отдельных картин, напоминающих монументальный пафос классической трагедии. Особенно характерна сцена, показывающая нам Рогнеду с занесенным мечом у одра спящего Владимира, готовую убить его:

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает
И в страхе, вся затрепетав,
Меч из жинки со стены снимает

Поспешность в движениях Рогнеды отражает противоречивость ее чувств, сомнения и нерешительность, что Рылеев подчеркивает еще и синтаксическими средствами:

Идет... стонг... ступила вновь...⁸³

Здесь выявляются некоторые попытки проникнуть в психологические процессы. Осуждение Владимира Рогнедой далеко оставляет за собой тот же эпизод у Карамзина: «тиран» Владимир не только разрушил ее личное счастье, но и разорил ее родную землю.⁸⁴ Драматическая обостренность события подчеркивается еще более тем фактом, что здесь жена и мать поднимает меч против необузданной жажды власти князя. Художественному методу Рылеева присуще иногда, как мы уже несколько раз констатировали выше, уклонение от исторической верности в деталях. Вероятно, с целью усиления драматического эффекта он показывает Рогнеду, подходящую к ложу Владимира не с ножом, как это передает летопись, а с мечом. В отличие от своих предшественников,⁸⁵ у которых, как и у Карамзина, поступок Рогнеды рассматривается как дело личной мести, Рылеев объясняет поступок своей героини гражданскими мотивами. Рогнеда является связующим звеном между своим отцом Рогволодом и своим сыном Изяславом, в котором будет жить дальше героизм Рогволода — с этим соглашается даже сам Владимир. И поэтому вполне закономерно, что как раз мальчик Изяслав служит причиной гуманистического поворота в поведении до тех пор необузданного, обремененного злыми деяниями Владимира.

Упомянутые здесь женские образы уже в летописи имели преимущественно воинственно-героический характер и составляли дополнение к рассмотренным выше героическим образам князей. У Рылеева они получают просветительно-гуманистическую основную черту: женщина-героиня направляет на путь истины и подымает морально мужчину.

Так же, как образ идеального связанного с народом князя более поздней эпохи отличается в известной мере от образа героического князя раннего времени, так наряду с образами женщин X в. в дальнейшем встречается тип женщины, который можно назвать идеальной супругой князя и который нашел свое воплощение в Ярославле «Слова о полку Игореве»,

⁸³ Там же, стр. 89

⁸⁴ Там же, стр. 90.

⁸⁵ О Рогнеде писали Я. Б. Княжнин, М. М. Херасков, Ф. Ф. Иванов и Н. С. Арцыбашев

а также в женских образах, созданных по примеру Ярославны.⁸⁶ Сила Ярославны состоит в том, что она твердо стоит на стороне супруга в несчастье и, обращаясь к природной стихии — ветру, воде и солнцу, пытается помочь ему.

Плач Ярославны привлекал не раз внимание русских романтиков.⁸⁷ Первое упоминание встречается уже в 1803 г. в «Бахариане» М. М. Хераскова. Отзвуки плача Ярославны можно узнать в стихотворении Ф. Глинки «Сетование русской девы» (между 1812 и 1816 гг.). Перу Глинки принадлежит и перевод в стихах отрывка из «Слова о полку Игореве» (1816 г.). М. П. Загорский написал в 1825 г. свой романс «Ярославна», П. Шкляревский обратился к тому же сюжету в «Плаче Ярославны» (1831 г.). В художественном отношении высоко стоит вольный перевод И. И. Козлова «Плач Ярославны» (1825 г.). Пушкин особо подчеркивал поэтическую силу плача Ярославны.⁸⁸

Без сомнения, и образ Мстиславны, супруги героя, именем которого названа поэма «Василько» А. И. Одоевского, создан под влиянием «Слова о полку Игореве», но он вымышлен: летописи о ней ничего не говорят. Сравнительно верной передачей летописи является образ жалостливой попадьи, стирающей обгавленную кровью рубашку Василька. Здесь в спонтанно реалистической сцене⁸⁹ нам представляется редкий для средневековой литературы случай, когда представитель простого народа, и к тому же женщина, становится носителем идейного смысла.

Василь совлек сорочку с Василька,
«Смой кровь!» — сказав, хозяйке бросил в руки,
И старица и внемлет и глядит,
Но замер дух, и вся как лист дрожит.
И вдруг, спеша, ее на двор выносит,
И держит недвижимо пред собой;
Взрыдала...⁹⁰

К типу идеальных супругов следует причислить и образ Евпраксии, супруги князя Федора, во фрагменте неоконченной поэмы Д. В. Веневитинова («Средь терема, в покое темном...», 1822). Сохранившиеся наброски, правда, не дают возможности определить ясно черты ее характера. Об Евпраксии повествует «Повесть о разорении Рязани Батыем», где говорится, что она покончила с собой, чтобы избежать позора бесчестия.⁹¹

Поступки, совершенные идеальными супругами древнерусских князей, после разгрома движения декабристов, когда княгиня М. Волконская и А. Муравьева последовали за своими мужьями на каторгу в Сибирь, приобретали особое значение как литературный пример.

⁸⁶ См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 78. На стр. 75 и сл. Лихачев указывает на то, что в изображении этих женщин часто нарушается феодальная схема изображения человека.

⁸⁷ Л. Дмитриев. «Слово о Полку Игореве» и русская литература. — В кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1967, стр. 76—79.

⁸⁸ А. С. Пушкин, т. 7, М., 1964, стр. 501.

⁸⁹ Ср.: Н. Raab. Die altrussische Chronikerzählung von der Blendung Vasil'kos und ihr Widerhall in der Dekabristendichtung. — Zeitschrift für Slawistik, XIII (1968), S. 666.

⁹⁰ А. И. Одоевский, стр. 122.

⁹¹ Воинские повести древней Руси. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1949, стр. 12.